

Социофилософский аспект постмодернизма и научной эклектики

© И.П. Кавинова

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрены истоки метамодернизма, обоснована идея о том, что постмодернизм не только порожден герменевтикой XX столетия, но и сам является одним из вариантов, ответвлением герменевтической игры смыслами. Выделены такие особенности герменевтики, как диалогизм, мифологизм и интуитивизм. Сделан акцент на глубинные истоки рассмотрения мира как одного большого текста философами — сторонниками элейского принципа тождества мышления и бытия. Раскрыта содержательная связь современной эволюционной концепции в науке с таким емким понятием в метамодерне, как ризома. Показано, что наука сегодня — это особого рода социальность в форме одного большого текста с переплетением смыслов, с пересечением различных проблем, изоморфно выстраивающихся на границах близкородственных областей познания. Сделан вывод о продуктивности научной эклектики для развития науки в целом, несмотря на неоднозначность и риски присутствия в ней постмодернистских тенденций.

Ключевые слова: *постмодернизм, эклектика, ризома, диалогизм, смыслы, миф, предпонимание, герменевтика, телеономия, П. Рикёр*

Главной причиной возникновения постмодернизма, или метамодерна («современности после современности» — данный термин является оксюмороном), что стало очевидным в XXI в., является *кризис европейской цивилизации*. Однако было бы слишком просто для философского анализа заявленной проблемы отметить только «закат» современной Европы (О. Шпенглер). Проблема разрушения классической науки и становления «новой науки» гораздо глубже, чем указание на разрушение основ какой-то одной цивилизации. Все человечество сегодня находится в состоянии турбулентности, в состоянии, которое в конце XX в. Ж. Делез и Ф. Гваттари в работе «Тысяча плато» назвали *ризомой*.

Истоками современной ситуации в науке, как и постмодернизма, в равной степени является существование человечества в состоянии *интертекстуальной социальности*. Если древние цивилизации с их мифологизированным сознанием существовали в условиях *реальности как одного большого текста* с его «реальным символизмом» (Н.А. Бердяев), а знание этого текста было доступно немногим избранным — жрецам фараона в Древнем Египте, халдеям-звездочетам в Вавилонии, мудрецам-гимнософистам в Древней Индии, то в современном мире кастовость знания отсутствует, поэтому дешифровка интертекста доступна каждому пользователю сети Интернет [1, с. 1–25].

Следует пояснить, что «Тысяча плато» — это второй и последний том работы «Капитализм и шизофрения» французских авторов — философа Жюль Делеза и психоаналитика Феликса Гваттари, впервые опубликованный в 1980 г. В данной книге рассмотрена текстовая реальность, утратившая своего автора, показаны ее содержательная многомерность и одновременно состояние утраты ею главного, единого смыслового начала. Когда современные политики отмечают многополярность мира, то на самом деле также подразумевают отсутствие единого вектора в его развитии, что рождает новые риски в существовании человечества.

Понятие *ризомы* в настоящее время напрямую связывают с постмодернизмом в самых сокровенных его тенденциях и особенностях. Можно дать несколько определений ризомы, чтобы лучше разобраться в том феномене, который стоит за этим понятием как в философии, так и в науке сегодня:

ризома — это прежде всего структура без структуры, где нет выраженных центра и периферии, главного и второстепенного, верха и низа, входа и выхода и вообще очевидных закономерностей, а есть только некоторая неупорядоченная связь между разнородными элементами;

ризома — это внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной (внутренней, только ей свойственной) подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования;

ризома — это не корень, а «корневище», подобие грибницы, которая не имеет центра и ветвится по непредсказуемым направлениям.

Не имеет смысла отдавать предпочтение какой-то одной из дефиниций ризомы, все они носят взаимодополняющий характер.

Очевидно, что для философии сходство ее с ризомой — «структурой без структуры» — означало в XX в. *отказ от онтологии*, от решения фундаментальных проблем (познаваемости мира, субстанциональности или отсутствия таковой), непонимание пространственно-временных характеристик реальности и как следствие — утрату самой реальности и замену ее «игрой в бисер» (Г. Гессе). «Игра в бисер» превращалась в игру понятиями (логический и лингвистический позитивизм), в отказ от поиска истинности (замену этого поиска либо на соблюдение логической строгости соотношения знака и значения в научном тексте, либо на фальсификационизм), а чаще всего это означало *подмену онтологии экзистенциалами* отдельной личности, использование языков искусства вместо языка логики и математики и как следствие — абсурдизм.

Для науки ризома как «потенциал самоконфигурирования» привела к смешению смыслов и утрате фундаментальных оснований науки

в целом. Австрийский философ-феноменолог Э. Гуссерль (1859–1938) в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (опубликована только в 1954 г.) вопрошал о том, как можно жить в мире, в котором историческое событие иллюзорно. Отбрасывание прежде всего «высших, предельных вопросов современной наукой» он называл «научообразным сумасшествием», а позитивизм в форме законченного сциентизма — «обезглавливанием науки» [2].

Гуссерль пришел к неутешительному выводу: *кризис философии совпал с кризисом наук Нового времени*, «понимаемых как звенья философской универсальности» [2]. Далее он рассуждал, что вначале все протекало латентно, но затем стало ясно, что кризис европейского общества может лишить смысла культурную «экзистенцию» всего человечества. С точки зрения Гуссерля, наступившая после Первой мировой войны депрессия в среде образованных людей Европы (некоторые из них были ветеранами войны) вступила в конфликт с «Одой к радости» Л. Бетховена и Ф. Шиллера. Он также отмечал, что при всей своей наивности «просвещенцы» XVIII столетия имели хотя бы веру в возможности человеческого разума, которая, безусловно, заслуживает уважения. Возникнув как продолжение философии, наука, с точки зрения Гуссерля, отрицая значимость абстрактных философских проблем, в конце концов отрицает самое себя, свои фундаментальные начала, но «зданию не устоять без своего фундамента» [2].

Однако Гуссерль не останавливался только на критике современного положения дел и предлагал позитивное решение проблемы утраты онтологических оснований в науке и философии. Он исходил из того, что в словах живого языка скрыт вещизм реальности, а жесткая оформленность бытия (онтоса) проявляется через систему предельных смыслов, поэтому необходимо «раздеть» вещи, «снять» с них словесную одежду и выйти на уровень «чистого смысла». *Смысл — это и есть объективная сторона словесных построений*, можно использовать различные языки, объективно донося лишь смысл многословной конкретики, будь то исторические науки, естествознание или простое общение между людьми (интерсубъективность). В этом случае Э. Гуссерль предлагал использовать метод эпохи — «остановку» в суждении, а понятия субъекта и объекта заменить на ноэзу и ноэму (ноэза и ноэма взаимобусловлены, не существуют друг без друга, ноэма — это факты, т. е. интенциональные объекты сознания, ноэза — *интерпретация фактов*, сам процесс познания). В конце концов он приходил к выводу, что *в восстановлении в своих правах в науке нуждается сам реальный исторический субъект — само человечество с его смыслами и проектами*. Он даже считал Г. Галилея виноватым перед всем человечеством, так как ученый подменил реальность ее физической моделью, введя, например, понятие «пустого пространства» [2].

Подобные идеи разделял американский философ-прагматист У. Джемс, утверждая, что современная ему наука начала XX в. «*просмотрела*» не только интенциональность человеческого сознания (т. е. направленность мышления на объект, предметность мысли), но и то, что *единственной рациональностью в познании является сам человек* [3].

Следует отметить, что введение в современную физическую картину мира антропного принципа («сильного» и «слабого») было отнюдь не случайно и назрело уже в начале XX столетия. Поиски «новой» онтологии привели к возрастанию интереса к *герменевтике* в интеллектуальной сфере, был сделан ряд интересных находок именно в этой области.

Герменевтика. Необходимо дать более четкий и полный анализ сути герменевтики как особого рода истолкования текста. Формально герменевтика — это «*детище*» изоциренных философов — толкователей текстов в XX в., а фактически экзегетика первых веков христианства, герменевтика магико-герметической традиции позднего Средневековья (Пико делла Мирандола, Дж. Бруно, Марселио Фичино и др.), а также символизм русской и европейской литературы начала XIX в., гегельянская диалектика и бэконовская борьба с «*идолами*» в гносеологии — все это «*предопыт*» современных герменевтов. Таким образом, *современный постмодернизм не только порожден герменевтикой XX столетия, но и сам является одним из вариантов, «ответвлением» герменевтической «игры» смыслами.* На особенностях такого рода герменевтики следует остановиться более подробно.

Если углубиться в историю Древнего мира, можно отметить, что Гермес Трисмегист (греч. Ἑρμῆς ο Τρισμέγιστος — Гермес Триждывеличайший; лат. Mercurius ter Maximus) — это имя синкретического божества, оно включает в себя черты древнеегипетского бога мудрости и письма Тот и древнегреческого бога Гермеса. В широком смысле герметизм, или герметическая философия (герметические науки, герметическое искусство), — это сочетание разнообразных западных эзотерических традиций, включающих в себя алхимические, астрологические, магические и мантические учения и тексты.

Основателем современной европейской герменевтики считается ученик немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера — Ганс Георг Гадамер (1900–2002), написавший «Герменевтический манифест» (1954). К герменевтике можно отнести целые направления деятельности в филологии, а точнее, в семиотике: деятельность герменевта Эмилио Бетти в созданном им институте теории интерпретации в Италии; произведения представителей Московско-Тартуской семиотической школы Ю.М. Лотмана (в нее в разное время входили Ю. Тынянов, В. Шкловский, называвшие себя «*формалистами*»); филологические исследования «*кружка*» М. Бахтина, творчество итальянского

медиевиста (историка Средневековья) У. Эко, работы П. Рикёра («Живая метафора», 1975; «Я — сам как другой», 1990), статьи и романы создателя концепции «интертекстуальности» Юлии Кристевой.

Несмотря на то что термины «экзегетика» и «герменевтика» употребляются иногда как синонимы, понятие герменевтики гораздо шире: экзегетика представляет собой исключительно толкование священных (сакральных) текстов, а герменевтика включает интерпретацию всех видов коммуникаций — письменных, вербальных или невербальных и др.

Во всем этом разнообразии авторов, концепций, школ можно выделить одно общее направление — *философию языка*, т. е. *рассмотрение языковой реальности как самостоятельной реальности, а возможно, единственно доступной человеку реальности*, и не важно, в какой форме (вербальной или невербальной, письменной или устной, иероглифической или буквенной) эта реальность себя выражает.

Концепция «предпонимания» Г.Г. Гадамера. Эта концепция основана на представлении о том, что в процессе познания субъект постоянно наталкивается на реальность текста, сам текст существует в нескольких культурных мирах, или контекстах: аутентично автору, т. е. *самостоятельно, в форме диалога с читателем* текста, в системе уже *состоявшихся интерпретаций* (критика, пояснения и т. д.), в системе культурных воззрений самого читателя (т. е. *нового субъекта интерпретаций*). При таком количестве контекстов сам автор может оказаться случайным звеном — «элемент почти случайный», по Гадамеру [4]. Герменевтика в этом случае не сориентирована ни на знание биографии автора (его заслуг перед наукой или литературой, например), ни на исторический контекст возникновения самого текста. Можно взять любой текст известного автора, например, А.С. Пушкина, У. Шекспира, и интерпретировать его произвольно. В театре события начала XVIII в. заменить на события XX в., подогнать сюжет оперы «Севильский цирюльник» под современную атрибутику, превратить оперную буффонаду в трагический сюжет (некоторые постановки «Геликон-оперы», например), а в «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина увидеть предсказание распада СССР (газетные публикации 1990-х годов). Однако здесь есть некий эффект зазеркалья, некоторые даже подзабытые тексты внезапно в их смысловой символике действительно обретают «вторую жизнь», например, сказки Т.А. Гофмана с их историческим провиденциализмом (существуют балетные, кинематографические и философские их интерпретации) или произведения Н.В. Гоголя, которые больше похожи на «хоррор», чем на последовательный реализм, что сегодня в сфере «арс» (искусства) активно эксплуатируется.

Гадамер называет данное явление «произволом интерпретатора», и это полная противоположность средневековой экзегетике, где

необходимо было не только считаться с автором (самим Творцом) текста, но и соблюдать сакральность (священнодействие) в обращении с текстом. Даже если рассматривать не только священные тексты, но и переводческое движение на арабском Востоке в IX в., отношение к трудам Платона и Аристотеля было в них в хорошем смысле этого слова «уничжительно-уважительным». В XIX в. литературные критики в России боялись оскорбить автора безапелляционной оценкой его творчества, и только русский нигилизм «пробил брешь» в данном отношении, хотя это так и не стало нормой даже в более позднюю радикальную советскую эпоху. Автора могли запретить, даже репрессировать, но само авторство все-таки никто не отменял.

Интерпретатор, вольно обращающийся с текстом, видимо, полагает, что за «забором» слов присутствует *таинство смысла*, объективно существующее, но принадлежащее одновременно всем и никому.

Смысл. *Объективная сторона текста* — это и есть *смысл*. Здесь уместно вспомнить ранее рассмотренную феноменологическую редукцию Э. Гуссерля, стремящуюся к обнаружению «чистых смыслов», в результате которой получается, что, несмотря на возможную «дурную бесконечность» интерпретаций, смысл один и его необходимо уловить — *понять автора*.

Правовед и герменевт Эмилио Бетти (1890–1968) писал: «Смысл следует не вносить, а выносить» (предполагается отказ от субъективизма) [5]. Но какой смысл может «вынести» человек, не знакомый с математикой, читающий математическую рукопись, насколько литературный критик, не будучи конгениальным автору, может уловить смысл, заданный в литературном произведении. Например, талантливый критик Виссарион Белинский был при этом посредственным писателем, сказки А.С. Пушкина он ошибочно оценил как шутку гения или даже как временное оскудение его дарования. Между тем именно сказки А.С. Пушкина читатели не только продолжают любить и перечитывать, но и находят в этих произведениях связь с современностью через зашифрованные смыслы. Таким образом, понять автора отнюдь не тривиальная задача. Тем не менее, без обнаружения смысла в тексте никакой диалог с автором, пусть и не до конца понятым, невозможен.

Диалог. Еще одним важным аспектом языковой реальности, особенно выраженной через текст — «нарратив», является *диалогичность*. Темой диалога, полифонии смыслов в литературном тексте в России первой половины XX в. занимался Михаил Бахтин, раскрыв эту особенность на примере изучения творчества Ф.М. Достоевского. В каждом монологе скрыта природа диалогичности мышления человека, ориентации на себя, как на другого, и на другого, как на себя.

В филологические науки на Западе термин «диалогичность» пришел из концепции «нарративной истории» А. Тойнби (вторая половина

XX в.). Английский историк рассматривал различные исторические события не в контексте законов истории (если считать, что таковые вообще есть, для Тойнби законов истории нет!), а в контексте рассказа об этих событиях, связанных с их интерпретацией. В 1967 г. профессор Парижского университета семиолог Юлия Кристева выдвинула концепцию *интертекстуальности* (одну из ключевых для постмодернизма) в статье «Бахтин, слово, диалог, роман». Диалог приводит к необходимости мыслить символично, а символизм сознания — это путь в мифологизацию.

Миф. Таким образом, не менее важной чертой, чем диалогизм нарративной реальности, является ее символаобразующее свойство, присутствующее в любой интерпретации, при этом именно *символизм* мышления требует постоянной *дешифровки*, особенно когда это касается научного текста или исторического исследования. Представитель Московско-Тартуской школы русский структуралист Ю.М. Лотман писал в ставшей знаменитой работе «Культура и взрыв» о том, что *миф — это вымысел в совокупности с символом* [6]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что итогом герменевтической «игры» с текстами является *мифологизированность* сознания исследователя. Если в XX в. акцент делался на мифологизированность исторического (А. Тойнби) мышления, то сегодня своя мифология есть даже у роботов-андроидов.

Безусловно, мифологизм науки многое объясняет в той эклектике, которая сегодня ей присуща, постмодернизм проявляется прежде всего в *современной научной мифологии*. Яркий пример из современности: директора института РАН снимают с должности только за то, что он позволил себе смешение «чистой науки» (миф!) с богословскими интерпретациями (это событие получило широкую огласку через Интернет, обсуждалось на YouTube-каналах в роликах известных политических аналитиков). Классическая наука как идеал аподиктичности, строгой формализованности, объективности и пр., конечно, существует, но по законам мифа.

Постпозитивисты К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун уже в 1960-е годы объяснили всему научному сообществу, что лучше держаться фалисификационизма (некой продуктивной творческой неопределенности), чем верификационной строгости, а синергетики вообще разрушили миф о «непогрешимости» научных текстов, какой бы строгой формы они ни придерживались.

Поль Рикёр (1913–2005), теолог и герменевт, друг Папы Иоанна Павла Второго, так определял символизм мышления: «Символом называется любая сигнификативная (знаковая) структура, прямой, изначальный смысл которой отсылает к другому смыслу, непрямому, фигуративному, приблизиться к которому можно лишь через первый». Кредо Рикёра: «Больше объяснять, чтобы лучше понимать» [7, с. 18, 19].

Безусловно, «многознание уму не научает», как утверждал еще в VI в. до н. э. Гераклит из Эфеса, на место знания должно приходиться понимание смысла любой сигнификации, но как убедиться в том, что подлинный смысл действительно найден? Видимо, именно в этом сегодня заключен вопрос Гамлета «быть или не быть?» применительно к раскрытию сути реальности как живого текста.

Интуитивизм. Немаловажное значение в герменевтике прошлого века приобрел *интуитивизм* (он проявил себя в философии жизни, экзистенциализме, русском формализме). Наименее тривиальна в этом вопросе позиция русского формалиста Виктора Шкловского. В работе «Теория прозы» он писал о том, что любое искусство есть способ переживания, а самое главное — это всегда обновленное «ощущение» бытия — «сделать камень каменным». Модель художественного построения, по В.Б. Шкловскому, — это смысловое «кольцо». Если Г.В.Ф. Гегель указывал на отсутствие начала бытия, то Шкловский — на отсутствие «конца» в художественном произведении, на «длительность восприятия» произведения искусства. Например, эту идею Шкловского подтверждают попытки продолжить «Войну и мир», «Унесенных ветром», «Трех мушкетеров» другими авторами в другую эпоху. В каком-то смысле каждый читатель, погруженный в сложное произведение искусства, становится его невольным со-автором и позволяет себе «додумывать» и «дописывать» данное произведение. Шкловский цитировал положение Гегеля о сущности моды: одежда показывает то, что скрывают, женщина должна обновлять одежду, иначе восприятие ее автоматизируется, ее «материя» развоплощается, и добавлял от себя: «Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны» [8, с. 127–130]. Именно поэтому вновь воспринятое бытие через искусство так привлекательно. Тот, кто впервые увидит свой дом на фотоснимке, может удивиться странному ощущению большей симпатичности интерьерера, чем в жизни, хотя такое восприятие довольно быстро проходит. А искусство позволяет пережить «новизну» восприятия вновь и вновь.

Подводя итоги написанному выше, следует отметить, что *постмодернизм*, как бы ни пытались связать его с антилогикой софистов, парадоксальностью мышления Фридриха Ницше, абсурдизмом экзистенциальных поисков философов различного толка, *остаётся одной из форм современной герменевтики*, ее «ответвлением», пронизавшим собой все *текстовое пространство реальности*, которое с появлением Интернета уже давно является одним большим текстом без автора, но со множественством претензий на авторство.

Следует отметить еще несколько характеристик постмодернизма, которые также проистекают из герменевтической природы этого явления: использование литературного наследия в форме пародии, многоуровневую организацию текста, прием игры — «безумное неразличение

смыслов» (Ж. Деррида). Вышеперечисленные характеристики приводят к опасности потери четких критериев различения смыслов, поэтому «все подходит» (anything goes). Мир культуры — это мир знаков, творец знаков вправе распоряжаться этой системой знаков, как ему заблагорассудится. Если существует «безумное неразличение смыслов» — между жизнью и смертью, добром и злом, то сознание становится текучим по самому своему существу, и тогда интерпретатору «все позволено». Можно сделать красивое безобразным, из злодея слепить добродетельное существо — славная Баба-яга, замечательный интеллеktуал Кащей, можно предателя превратить в судьбоносную историческую фигуру, например, Иуду Искарюта представить в форме судьбы-ананке, как это было уже в античном гностицизме или в Серебряный век русской литературы в рассказе Леонида Андреева. В таком случае правы современные структуралисты Р. Якобсон, К. Леви-Стросс, Р. Барт, У. Эко, Ю. Кристева и др., когда утверждают, что между письмом малограмотного человека и текстом великого ученого для герменевта (интерпретатора) не существует принципиальной разницы. Разговор идет уже не только «о смерти автора» (Р. Барт), но и о потере «человеческого, слишком человеческого» (как выразился бы Ф. Ницше) или моральных ориентиров в тексте.

Как известно, в эссе «Смерть автора» (1967) Ролан Барт, французский филолог и философ, выступил против стандартов литературной критики, которая должна учитывать прежде всего намерения самого автора произведения и даже определенный авторский биографический подтекст. С точки зрения Барта, уже написанное произведение живет собственной жизнью без оглядки на авторство и автора. Барт в своем знаменитом эссе «S/Z» (манифесте интертекстуальности) писал: «О чем вы задумались? — хочется спросить у классического текста, <...> однако поскольку текст отличается большим лукавством, <...> он не отвечает вовсе, увенчивая смысл заключительным аккордом — многоточием» [9, с. 196].

Возникает вопрос: какое отношение герменевтика имеет к современной науке? Оказывается, постнеклассическая наука настолько эклектична сегодня, что именно в ней постмодернизм обрел в XXI в. свое «второе дыхание».

Элейские вопросы. Прежде всего элейские вопросы (тождество мышления и бытия) с новой силой проявили себя в пересечении постмодернизма с постнеклассической наукой. Не вызывает сомнений, что, с одной стороны, платонизм с его концепцией существования эйдологического пространства в космосе (идея Мировой Души как резервуара всех эйдосов-образцов, или «программ» единичных вещей) серьезно повлиял на развитие математики, а также способствовал утверждению телеологизма в понимании космоса Аристотелем. С другой стороны,

также очевидно, что классический эволюционизм (дарвинизм) вступил в начале XX в. в конфликт с телеологизмом Аристотеля. Аристотель не скрывал, что его концепция телеологизма является следствием признания тождества мышления и бытия. Для него открытие законов непротиворечивого мышления означало открытие законов самого онтоса (существования, бытия), т. е. совпадение логики с онтологией. Из принципа тождества мышления и бытия исходил также Гегель, обосновывая *универсальность* трех базовых законов диалектики.

Следует пояснить, что идея целесообразности строения живого и неживого в ее законченном виде принадлежит именно философу Аристотелю (IV в. до н. э.). Он, чтобы подчеркнуть устремленность каждой вещи к самоосуществлению в оптимальной для нее форме, вводил понятие «энтелехио», которое на русский язык можно перевести как «всесовершенство». Паук не менее совершенен, чем человек, планета так же совершенна, как и травинка на лугу. В «Политике» Аристотель настаивал на том, что человек как «существо политическое» достраивает себя в государстве, и так осуществляется его энтелехио (в отличие от всех видов животных, уже совершенных). Любая вещь, по Аристотелю, имеет четыре причины для своего самоосуществления: материю, форму, движение и цель. «Цель» по-гречески — «телеос», отсюда возник термин «телеологизм» — целесообразность (сообразованность любой вещи при ее оформлении с определенной целью, ради чего она существует).

Распространение эволюционных взглядов под влиянием дарвинизма в Европе конца XIX в. окончательно изгнало телеологизм из всех учений о биосе. Однако генетика XX столетия реанимировала концепцию целесообразности в биологии. Именно биология, лидер эволюционного естествознания, наиболее активно использует в своем арсенале не только каузальные, но и некаузальные объяснения. Например, селектогенез описывает формообразование формулой: все, что не соответствует интересам вида, убирается отбором, т. е. форма отдельных особей соотнобразуется с целостностью (видом). В современной синтетической теории эволюции (СТЭ) главной единицей естественного отбора выступает видовая популяция, а не вид, как в классическом дарвинизме. Этим же объясняется сохранение *Homo Sapiens* в процессе прохождения человеческой популяции через «бутылочное горлышко» эволюции, тогда как неандерталец вымирает. Кибернетика укрепила в науке тенденцию, идущую от биологии, объяснять явления, соподчиняясь с целостностью, обозначив такое объяснение термином «телеономия».

Целеустремленность действительно характеризует действие кибернетических устройств, однако следует поставить вопрос, насколько телеологизм присущ органическим системам. Супруги П. Медавар и Дж. Медавар в книге «Наука о живом» (1978), оценивая роль

целесообразности в биологии, приводят точное и остроумное сравнение: «Биологи относятся к телеологии, как благочестивый человек — к источнику искушения, когда не очень уверен в своей способности устоять», и поэтому они предпочитают применять нейтральный и уклончивый термин «телеономия» [10, с. 18]. Можно предположить, что такое «искушение» появилось теперь и перед химиками, физиками, геологами, т. е. везде, куда проникает идея самоорганизации и развития, поскольку диссипативные структуры (т. е. открытые системы), требующие глобального описания (апелляции к целостности), существуют и в неживой природе. Значение телеологического объяснения сохраняется в аспекте *детерминации диссипативных структур глобальными характеристиками* и, кроме того, приобретает новый аспект. Поскольку в универсальной модели эволюции, формируемой современным естествознанием, развитие апостериорно рассматривается направленным к жизни и человеку, постольку *эвристический смысл имеет объяснение «конечной причиной», которое реализуется в антропном принципе*. Человека нельзя понять вне человечества, человечество вне жизни, жизнь — вне Вселенной. Палеоантрополог и философ П. Тейяр де Шарден в работе «Феномен человека» (1955) справедливо писал о том, что человек — это, по существу, есть эволюция, осознавшая саму себя [11].

Суть *новой парадигмы эволюции* в том, что реальность истолковывается как взаимосвязь эволюционных процессов, которые можно описать и как системно выраженную макродинамику, непрерывный метаболизм в результате коэволюции со средой, и как самотрансценденцию, т. е. как *эволюцию самих эволюционных процессов*.

Ризома. На основе глобального эволюционизма возникает образ мира как саморазвивающейся *суперсистемы*, любой объект которой предстает как составляющая этой целостности: как *событие* и как *система* одновременно. Таким образом, мир предстает как ветвящаяся *ризома в форме нелинейного способа организации целостности, оставляющей открытой возможность для имманентной, только ей свойственной подвижности с реализацией ее внутреннего творческого потенциала самоконфигурирования*. Можно считать, что в этом есть суть переориентации эволюционной мысли со статистического подхода на системный.

Если классический эволюционизм (дарвинизм) мыслил эволюцию в рамках баланса, делал акцент на приспособлении к среде обитания за счет случайных мутаций (статистический взгляд на эволюцию), то теперь на первом плане оказывается новообразование как результат самоорганизации и коэволюции. Эволюция сегодня понимается как коэволюция, а новую парадигму эволюции называют еще парадигмой самоорганизации. Эволюционная термодинамика позволила понять, что

эволюционный процесс — это не линейный, не однонаправленный процесс, происходящий по экспоненте, а процесс, который можно назвать ветвящимся [12, с. 1–6]. Русский философ С.Л. Франк (1877–1950) еще в начале XX в. писал: «Бытие можно уподобить спутанному клубку и притом не клубку, который можно было бы развернуть в одну простую нить, а клубку, который, будучи развернут, оказывается сложным взаимопереплетающимся узором. Начало и конец всякого частного явления или содержания принадлежат не ему самому, а лежат в другом — в конечном счете, целом как таковом» [13, с. 40]. В этом выражается обозначенное в начале статьи постмодернистское представление о ризоме как о корневище, ветвящемся по горизонтали, в котором отсутствует вертикаль роста, прогресса, но присутствует развитие не во времени, а в пространстве. Не следует забывать, что в классическом гегельянстве данная идея также присутствует, и тождество мышления и бытия является в этом случае исходным принципом. Однако в истолковании ризомы как наглядного образа «ветвящегося горизонтально бытия» есть один «болезненный» момент — это соотнесенность ризомы с авторством. В работе «Тысяча плато» (Делез и Гваттари) указано: если ризому представить в виде книги, то у нее не будет ни предмета, ни автора. Множество лепестков смыслов, содержащихся в книге, не будет объединено чем-то одним, из чего оно порождено (либо общий предмет, либо общий автор). Не только книга, но и сами предмет и автор не будут чем-то единым, одним, что *могло бы* объединять множество из лепестков смыслов, содержащихся в ней. «Книга [будет] сделана из материй, по-разному сформированных, из совершенно различных дат и скоростей. С того момента, когда мы наделяем книгу каким-либо автором, мы пренебрегаем этой работой материй и внешним их отношений. Мы фабрикуем (*fabriquer*) “благого бога” вместо геологических движений» [14, с. 6].

Синергетика И. Пригожин и Г. Хакен остроумно заметили, что в концепции «предустановленной гармонии» Г. Лейбница Бог-Творец выбирает лучший из возможных миров и реализует его. К сожалению, с точки зрения синергетического подхода можно предполагать с равной вероятностью реализацию как наилучшего, так и наихудшего из возможных миров [15]. Таким образом, современная наука начинает поиск смыслов в описании «бессмысленной реальности», что приводит к постмодернистским включениям в научные тексты: лестницам метаязыков в математике и логике, использованию метафоры в генетике, психологии, астрофизике («митохондриальная Ева», «комплекс Эдипа», «мнимое время ноль», «горизонт событий черной дыры» и т. д.), введению термина «телеономия» вместо «телеологизм» в ко-эволюционной биологии, что способствует в конечном счете тяготению к пантеизму в той или иной форме, например, через введение в астрофизику понятия

«космический конструктор». При этом сеть Интернет начинают рассматривать как яркий пример организации информации по принципам построения «ризомы». Эксперименты с нейросетью становятся обыденностью, ученые шутят, что творчеством скоро целиком займутся роботы, а вся «черная» рутинная работа достанется человеку и человечеству.

Интересна и показательна в плане пантеистических мотивов в науке концепция футуросинергетики космиста Л.В. Лескова (1931–2006). Он предлагал моделирование эволюции социальных систем осуществлять методами нелинейной науки, результатом должно было выступить построение спектра альтернативных виртуальных сценариев. При этом возникала серьезная проблема: Лесков писал о том, что человек — самосознающий центр Вселенной, но он не хозяин ее, и делал вывод о том, что можно выдвинуть гипотезу о возможном существовании «космического конструктора» [16].

Научная эклектика как тенденция современного построения знания. Междисциплинарность и, как следствие, изоморфизм систем современной науки свидетельствуют о ее действительном развитии не во времени, а в пространстве, ее «ветвистости» и эклектичности, что, с одной стороны, пугает непредсказуемостью, а с другой — притягивает еще не раскрытыми возможностями *продуктивной эклектики соединения несоединимого*. *Наука сегодня — это один большой текст с переплетением смыслов, с пересечением различных проблем, изоморфно выстраивающихся на границах «близкородственных» областей познания*. Например, таковы палеонтология, палеоантропология, палеогенетика и палеогеномика, весь конгломерат СТЭ, смежные области применения кибернетики в вычислительной технике (в робототехнике, клеточном автомате, компьютерном зрении, в сфере распознавания объектов, в системе поддержки принятия решений и др.). Не менее сложные связи существуют также между лингвистикой, филологией, социологией и культурологией, примечателен изоморфизм генетики и квантовой механики, а также пересечение исследований в психологии, психиатрии и «рефлексологии» (в понимании В.М. Бехтерева, описавшего 23 изоморфных закона в психологии и социологии). Список можно продолжать. Такое разнообразие пересекающихся исследований, очевидно, требует использования герменевтических подходов и, безусловно, не может обойтись как без метафорики, так и без почти неизбежного *рассуждения по аналогии*. В современной картине мира уживаются мифологизм мышления ученых со строгостью использования принципов формализации научных теорий, религиозные подходы вместе с антропными принципами в глобальном эволюционизме, философские абстракции с применением натуральных экспериментов и получаемыми из них выводами.

Если рассматривать все научные направления как один большой текст с запутанными ходами и непредсказуемым результатом, то, конечно, возникает соблазн отказа от авторства в «большой», влиятельной по отношению к человечеству науке. И в результате — снятие научным сообществом с себя ответственности за последствия открытий и изобретений в научной сфере. Историк, философ, герменевт У. Эко писал, что автору следовало бы умереть, закончив книгу, чтобы не мешать тексту жить своей жизнью [17]. Сколько бы ни говорили и ни писали об этике в науке, очевидно, что любое открытие, как и любое техническое изобретение, неизбежно начинает самостоятельное существование вне воли автора, «смерть автора» заложена именно в использовании, т. е. в утилитарности того, что автор открыл или изобрел. Сегодня неизвестно, кто изобрел колесо, кто первым начал использовать огонь и кто изобрел порох. Человечество еще помнит, кто сконструировал первую ядерную бомбу и испытал ее действие на людях, но сегодня даже этот вопиющий факт из политических соображений не конкретизируется.

Таким образом, лишение текста авторства небезобидно. Современная наука именно в разрушении границ между гуманитарным знанием и естественным, между неопределенностью и строгостью, между наукой, религией, искусством, а также абстрактным философским знанием предстает как законченный метамодерн в форме «ризомы», пытающийся начать с белого листа в обретении новых смыслов. Медиевист и структуралист У. Эко называл ризому «одним из типов лабиринта» [17]. Стоит серьезно задуматься, что ждет все человечество при выходе из этого лабиринта.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кавинова И.П. Картина мира: философский анализ проблемы. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 12. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2014-12-208>
- [2] Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2022, 399 с.
- [3] Джемс У. *Вселенная с плюралистической точки зрения*. Москва, Космос, 1911, 543 с.
- [4] Гадамер Г.Г. *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. Москва, Прогресс, 1988, 704 с.
- [5] Бэтти Э. *Герменевтика как общая методология наук о духе*. Москва, Канон, 2011, 144 с.
- [6] Лотман Ю.М. *Культура и взрыв*. Москва, Гнозис, 1992, 273 с.
- [7] Рикёр П. *Герменевтика. Этика. Политика*. Москва, Academia, 1995, с. 18.
- [8] Шкловский В. *О теории прозы*. Москва, Советский писатель, 1983, с. 127–130.
- [9] Барт Р. *S/Z*. Москва, Эдиториал УРСС, 2001, с. 196.
- [10] Медавар П., Медавар Дж. *Наука о живом*. Москва, Мир, 1983, с. 18.
- [11] Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*. Москва, АСТ, 2002, 554 с.

- [12] Фатенков А.Н. Концепции подвижно-иерархической причинности (на пути преодоления механической каузальности). *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 2005, сер. 6, вып. 2, с. 1–6.
- [13] Франк С.Л. *Очерк методологии общественных наук*. Москва, Берг, 1922, с. 40.
- [14] Делез Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург, У-Фактория; Москва, Астрель, 2010, с. 6.
- [15] Пригожин И., Хакен Г., Эбелинг В. *Синергетика. Антология*. Москва, Центр гуманитарных инициатив, 2013, 408 с.
- [16] Лесков Л.В. *Неизвестная Вселенная*, Москва, Проспект, 2007, 425 с.
- [17] Эко У. *Заметки на полях «Имени Розы»*. Москва, Астрель, 2011, 160 с.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Кавинова И.П. Социофилософский аспект постмодернизма и научной эклектики. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 2.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-2-903>

Кавинова Ирина Петровна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail irinarpk@bk.ru

Socio-philosophical aspect of postmodernism and scientific eclectics

© I.P. Kavinova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper considers the origins of metamodernism. The idea is substantiated that postmodernism is not only generated by hermeneutics of the XX century, but is itself one of the options and a branch in the hermeneutic game with meanings. The following hermeneutics features are distinguished: dialogism, mythology and intuitivism. Deep origins are emphasized in considering the world as the unique large text by the philosophers, who are supporting the Eleatic principle of the thinking and being identities. Meaningful connection between the modern evolutionary concept in science and such a capacious concept in metamodernism as the rhizome is revealed. The paper shows that science today is a special kind of sociality in the form of a unique large text with interweaving meanings and intersection of various problems being isomorphically constructed on the boundaries of the closely related areas of knowledge. A conclusion is made on the scientific eclecticism productivity in science development as a whole despite the ambiguity and risks of the postmodern tendencies present in it.

Keywords: postmodernism, eclecticism, rhizome, dialogism, meanings, myth, preunderstanding, hermeneutics, teleonomy, P. Ricoeur

REFERENCES

- [1] Kavinova I.P. Kartina mira: filosofskiy analiz problemy [Worldview: Philosophical analysis of the problem]. *Gumanitarnyi vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2014, no. 12. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2014-12-208>
- [2] Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*. Martinus Nijhoff Publishers, 1954 [In Russ.: Gusserl E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsedentalnaya fenomenologiya. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2022, 399 p.].
- [3] James W. *A Pluralistic Universe*. 1909 [In Russ.: Dzhems U. Vseennaya s plyuralisticheskoy tochki zreniya. Moscow, Kosmos Publ., 1911, 543 p.].
- [4] Gadamer H.G. *Truth and Method*. Seabury Press, 1975 [In Russ.: Gadamer G.G. Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki. Moscow, Progress Publ., 1988, 704 p.].
- [5] Betti E. *Die Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften*. J.C.B. Mohr, 1962 [In Russ.: Betti E. Germeneytika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe. Moscow, Kanon Publ., 2011, 144 p.].
- [6] Lotman Yu.M. *Kultura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnozis Publ., 1992, 273 p.
- [7] Ricoeur P. *Germeneytika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Politics]. Moscow, Academia Publ., 1995, p. 18.
- [8] Shklovsky V. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1983, pp. 127–130.
- [9] Barthes R. *S/Z*. Aux Editions du Seuil, 1970 [In Russ.: Bart R. S/Z. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 196 p.].
- [10] Medavar P., Medavar J. *The Life Science*. Harper Collins Publishers, 1977 [In Russ.: Medavar P., Medavar Dzh. Nauka o zhivom. Moscow, Mir Publ., 1983, p. 18].

- [11] Teilhard de Chardin P. *Le phénomène humain*. Éditions du Seuil, 1955 [In Russ.: Teyar de Sharden P. Fenomen cheloveka. Moscow, AST Publ., 2002, 554 p.].
- [12] Fatenkov A.N. Kontseptsii podvizhno-ierarkhicheskoy prichinnosti (na puti preodoleniya mekhanicheskoy kauzalnosti) [Concepts of mobile-hierarchical causation (towards overcoming mechanical causation)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta — Vestnik of Saint-Petersburg University*, 2005, Ser. 6, iss. 2, pp.1–6.
- [13] Frank S.L. *Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk* [Essay on methodology of the social sciences]. Moscow, Bereg Publ., 1922, p. 40.
- [14] Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and schizophrenia*. University of Minnesota Press, Minneapolis, 1987 [In Russ.: Delez Zh., Gvattari F. Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg, U.-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel Publ., 2010, p. 6].
- [15] Prigozhin I., Haken G., Ebeling V. *Sinergetika. Antologiya* [Synergetic. Anthology]. Moscow, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 2013, 408 p.
- [16] Leskov L.V. *Neizvestnaya Vselennaya* [Unknown Universe]. Moscow, Prospekt Publ., 2007, 425 p.
- [17] Eco U. *Postille a Il Nome della Rosa*. Bompiani, 1982 [In Russ.: Eko U. Zametki na polyakh “Imeni Rozy”. Moscow, Astrel Publ., 2011, 160 p.].

Kavinova I.P., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail irinapk@bk.ru